

Чуня

Чуня — маленький поросёнок. Маленький, розовый и смешной. Почти как все маленькие, он любит купаться, разбрасывая в разные стороны брызги, и отчаянно визжит, когда мама вытаскивает его из воды, заворачивая в большое мохнатое полотенце.

Почти как все маленькие, Чуня любит молоко и румяную свежую булку. Поэтому он завтракает с удовольствием и, совсем как большой, вытирает салфеткой рот и говорит маме «спасибо».

Почти как все маленькие, Чуня любит гулять. Поэтому сразу после завтрака он выходит в небольшой дворик, где всё: и кусочек земли, по которой он учился ходить, и лоскутик неба над высоким забором, и тонкий луч солнца, который пробивается меж ветвей старого дуба, — давно и хорошо было ему знакомо.

Но сегодня кусочек земли показался Чуне слишком тесным, лоскутик неба — слишком маленьким, а тонкий луч солнца — недостаточно ярким. Поэтому Чуня тоскливо бродил по двору, заглядывая в узкую щёлку в заборе, пытаясь угадать, что делается там, где он ещё ни разу не был, и, ничего не увидев, вздыхал.

Тогда мама — а у Чуни очень умная и добрая мама — сразу поняла, в чём дело, и сказала:

— Тебе грустно, малыш! Значит, ты уже вырос. Здесь слишком тесно для тебя. Рано или поздно всем детям становится дома тесно. — И, вздохнув, добавила: — И в этом нет ничего удивительного!..

А потом она вывела Чуню за калитку, показала на дорогу и сказала:

— Иди!

И Чуня пошёл. Он сделал шаг, другой, потом пошёл быстрее, ещё быстрее и наконец побежал изо всех сил. Бежал не переводя дыхания, не разбирая дороги, как будто боялся опоздать. Всё мелькало перед его глазами! Всё летело мимо, смеялось, пело и звенело!

А Чуня не умел петь. Он даже толком не умел хрюкать! И поэтому он визжал от счастья:

Я шагаю,
Я шагаю,

Я шагаю,
И не страшно,
И не страшно мне ничуть!

Всё на свете,
Всё на свете я узнаю!
Ну а если и не всё,
То что-нибудь!
Ну а если и не всё, то...

— Ой!

Вдруг прямо перед Чуней появился Цыплёнок. Он стоял посреди высокой травы и горько плакал.

— А почему ты плачешь? — спросил Чуня.

— Почему?.. Потому что я заблудился, — не глядя на Чуню, ответил Цыплёнок.

— А... а что это такое? — удивился Чуня.

Цыплёнок тоже удивился и даже перестал плакать:

— Ты что, не знаешь?! Что ли, ты никогда не заблу... не заблуждался? — с трудом выговорил он.

— Нне-ет, — виновато ответил поросёнок.

Это уж Цыплёнку совсем было непонятно.

И он, вскочив на кочку, очень рассудительно начал втолковывать поросёнку:

— Слушай! За-блудил-ся — это значит остался совсем один и неизвестно где. Понимаешь? Совсем о-дин! О-о-ди-ин...

Цыплёнок всхлипнул, вспомнив, что он ведь по-настоящему заблудился, и снова начал плакать...

— Ну что ты? Что ты плачешь? — пытался успокоить его Чуня. — Ведь ты же не один! Я с тобой!

Цыплёнок перестал плакать и с надеждой посмотрел на Чуню:

— Да-а, а мой дом?!

— Найдём и твой дом! А ну-ка прыгай! — И Чуня подставил Цыплёнку свою спину.

Цыплёнок, разбежавшись, прыгнул, и уже через секунду поросёнок со своим наездником весело побежал по дороге...

— Куда? Ку-куд-куд-куда?! — выбежала им навстречу курица Пеструшка.

— Мама! Это моя мама! — обрадовался Цыплёнок.

Чуня присел — Цыплёнок скатился с его спины, как с горки, и попал прямо под крылышко Пеструшки.

— Я заблудился! Мне было страшно! Я плакал! А он меня нашёл и привёз! — затараторил счастливый Цыплёнок.

Пеструшка так обрадовалась, что не знала, как отблагодарить поросёнка. Она прижимала к себе Цыплёнка, с нежностью смотрела на Чуню и кудахтала:

— Ко-ко-ко! Вы спасли моего ребёнка! Вы тако-кой добрый! Вы та-ко-кой смелый! Вы та-ко-кой ко-ко-ко!..

— Ну что вы? Что вы?.. — совсем смутился Чуня.

И только по тому, как весело завертелся Чунин хвостик, можно было догадаться, что ему приятно похвала Пеструшки.

— Простите, но я должен идти, — сказал Чуня и кивнул Цыплёнку. — До свидания, маленький!

— Я не маленький! — возмущённо топнул ножкой Цыплёнок.

Но этого Чуня уже не слышал.

Он прыгал на лужайке, весело хрюкал, нюхал цветы и пел свою незатейливую песенку:

По тропинке,
По дорожке
Я шагаю,
Я иду и распеваю на ходу!

Потому что,
Потому что твёрдо знаю,
Что друзей себе хороших
Я найду!

— Эй! Тише ты! — услышал он совсем рядом чей-то сердитый окрик.

Чуня огляделся. Из-под большого листа лопуха на него таращил глаза длинноухий Кролик.

Чуне Кролик сразу понравился. Он захотел подойти к нему поближе, но...

— Стой! Ни с места! — приказал ему Кролик.

Чуня остановился.

— Чего распелся? — строго спросил его Кролик.

— Просто так, — растерялся Чуня. — А что, разве здесь нельзя петь?

— Нельзя! — заявил Кролик.

— А почему? — не унимался Чуня. — Разве здесь кто-нибудь спит или работает?

— Я работаю. Понял? — понизив голос до громкого шёпота, пояснил Кролик.

— А что ты делаешь? — любопытствовал поросёнок.

— Я выслеживаю Крольчиху. Она уйдёт, и я утащу морковку! Понял?

Чуня ничего не понял.

— Что ты тогда сделаешь?

Но Кролик ничего не ответил, а нырнул в лопухи... Любопытный Чуня полез за ним. За лопухами тянулись длинные грядки. С краю, совсем близко, стояла корзина с морковью. А в конце грядки возилась Крольчиха.

Длинноухий Кролик посмотрел на корзину и облизнулся.

— Теперь понял? — спросил он Чуню.

— Возьмёшь без спроса? — не поверил ему Чуня.

— Ага! — лукаво подмигнул Кролик.

— А почему не можешь попросить? — продолжал допытываться Чуня.

— Не даст! — категорически заявил Кролик. — Ни за что не даст!

Недоверчиво взглянув на Кролика, Чуня, ни слова не говоря, направился к грядке, возле которой работала Крольчиха.

— Здравствуйте! — вежливо поклонился ей Чуня. — Как вы поживаете?

— Здравствуй, здравствуй! — добродушно улыбнулась Крольчиха. — Хорошо живём. Спасибо!

— Простите, пожалуйста, — застенчиво попросил Чуня, — не могли бы вы дать мне три или хоть одну морковку? Для моего друга — длинноухого Кролика. Пожалуйста!

Крольчиха отобрала четыре самые красивые и самые большие морковки и протянула поросёнку:

— Пожалуйста! Ешьте на здоровье!

— Большое спасибо! — хором поблагодарили Кролик и Чуня Крольчиху.

— Ну что? — спросил Чуня Кролика, отдавая ему все четыре морковки. — Понял?

Кролик виновато опустил голову и тяжело вздохнул.

— Будь здоров! — приветливо помахал ему Чуня. — Я пошёл!

Кролик долго смотрел ему вслед, но вдруг, спохватившись, крикнул:

— А как вас зовут?!

— Нас? — оглянулся поросёнок. — Очень просто: Чу-ня! — И, хихикнув, убежал, беззаботно помахивая хвостиком.

Так бежал он по дорожке, семеня копытцами, и пел песенку:

По тропинке,
По дорожке
Я шагаю...

— Р-р-р! Гав! — Кто-то вдруг прервал песенку Чуни. А Чуня перевернулся от неожиданности через голову и остановился как вкопанный.

У забора, на котором ещё не высохла краска, Чуня увидел Собаку. Она была

очень злая. А перед ней, опустив нос, уши и хвост, стоял Щенок, весь вымазанный краской.

— Посмотрите! Разве это Щенок?! — в отчаянии пожаловалась Собака. — Это поросёнок! Настоящий поросёнок! Марш домой! — скомандовала Щенку Собака.

Послушайте! — закричал ей вслед Чуня. — Он вовсе не поросёнок! Поросёнок — это я!

Но Собака на него и не посмотрела. А озорной Щенок, хитро подмигнув Чуне, помчался следом за ней.

Но Чуня не обиделся, а пошёл своей дорогой. Шёл он, шёл, пока не увидел Котёнка.

Котёнок всеми четырьмя лапами и кончиком короткого хвоста влез в миску с молоком.

— Ты что, купаешься?! — удивился Чуня.

Котёнок облизал рот и усы и очень серьёзно ответил:

— Не-е... Я ем!

Чуня весело прихрюкнул. Но, когда увидел, что к Котёнку направляется сердитый чёрный Кот, сразу умолк.

«Наверное, это папа серого Котёнка, — подумал Чуня. — Так и есть!»

Кот решительно взял сына за шиворот и вытащил из миски.

— Так-так... — мрачно произнёс он.

Чуня боязливо попятился назад.

— Запомни, Мурзя, — чётко выговаривая каждое слово, будто повторяя очень важный урок, проговорил Кот, — чавкают, чмокают и лезут лапами в тарелку только поросята!

— Но простите... — раскрыв от удивления рот, попытался вмешаться Чуня.

— Только по-ро-ся-та! — даже не взглянув на Чуню, внушительно повторил Кот.

— Это неправда! Неправда! — воскликнул Чуня и, не желая больше видеть сердитого Кота, побрёл куда глаза глядят.

Так он брёл, уныло опустив голову, и его хвостик от обиды уже не вертелся так

весело, как раньше.

Неожиданно из-за кустов он услышал чей-то писк. Чуня прислушался и осторожно раздвинул ветки: на лужайке, пытаясь что-то отнять друг у друга, пищали трое утят.

Вот один из них подставил ножку другому. Чуня готов был уже броситься пострадавшему на помощь, но его опередила Утка.

— Кряк! Пре-кра-тить безобразие! — грозно приказала она и разняла утят. — Что за поросычий визг?!

Утка подошла к сморщенному грибу дождевику, из-за которого и произошла ссора, и решительно поддала его ногой...

Гриб шлёпнулся прямо перед носом Чуни и, лопнув, выпустил чёрное облако пыли. Чуня чихнул.

— Кря! — не унималась Утка. — Всякую дрянь поднимают! Всякую грязь! Как поросята!

Это уж слишком! Чуня выскочил на середину лужайки и, чуть не плача, закричал:

— А вы!.. Вы!.. Вы!..

«Домой, скорей домой!» — решил он и побежал, никого не замечая вокруг.

Вот и знакомая калитка. Но Чуня уже совсем выбился из сил: он еле-еле доплёлся до брёвнышка, сел и горько заплакал.

Этот плач услышала Чунина мама. Она подошла к сыночку, присела рядом, обняла его и спросила:

— Ты устал, малыш? Да?

— Нет! Нет! Нет! — в отчаянии замотал головой Чуня. — Я не хочу! Я не хочу!

— Чего ты не хочешь? — спрашивала мама и гладила Чуню по голове.

— Я не хочу быть поросёнком! — отвечал Чуня.

— Ну что ж, — согласилась мама. — А кем же ты хочешь быть?

— Кем? — задумался на минуту Чуня, оглянулся по сторонам, поднял голову вверх и увидел птичку.

Птичка прыгала на ветке, весело щебетала, потом взмахнула крыльями и улетела.

Чуня проводил её взглядом, посмотрел на маму и неожиданно сказал:

— Птичкой!

— Ты хочешь быть птичкой? — улыбнулась мама. — Но ведь ты не умеешь летать!

— Я?!! — Чуня вскочил на скамеечку, попытался взлететь, но... шлёпнулся на землю.

Тогда мама подошла к Чуне и очень ласково сказала:

— Пожалуйста, я тебя очень прошу, оставайся поросёнком! Ладно?

Чуня упрямо замотал головой.

Мама наклонилась над Чуней и внимательно посмотрела ему в глаза:

— Знаешь, малыш, ведь совсем не важно, кто ты! Важно, какой ты! Может быть, ты всё-таки останешься поросёнком?

— Оставайся! Оставайся! — стали просить Чуню его друзья — длинноухий Кролик и жёлтенький Цыплёнок.

Чуня очень обрадовался друзьям и согласился:

— Ладно, останусь!

Я останусь, я останусь

Поросёнком.

Каждый должен быть всегда

Самим собой!

Ясно каждому ребёнку —

Даже Чуне-поросёнку, —

Что важней всего

Не кто ты, а какой!